

БЕРНАРД ШОУ

ВРАЧ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ

**Трагедия
в четырех
действиях
с эпилогом**

1906

THE DOCTOR'S DILEMMA

Но книга наших врачей, что медицинское обслуживание общества при нынешней постановке дела является собой убийственную нелепицу. Подумать только — здравомыслящая нация, прияя к выводу, что можно обеспечить страну хлебом, если заинтересовать денежно буличников в выпечке хлеба, точно так же поддерживает денежный интерес у хирургов для того, чтобы те отхвалили вам ногу! Да тут отчаешься в человечестве, поглядев на него с точки зрения государственной гуманности. Но именно так мы и поступаем: чем страшнее наносимоеувечье, тем больше платят увечающему. Тот, кто исправляет вросший ноготь, получает несколько шиллингов. А вырезавший вам часть пинюка получает сотни гиней, кроме тех случаев, когда он практикуется на бедных.

Слышу скандализованный ропот, мол, такие операции необходимы. Возможно. Бывает необходимо и человека повесить, и дом снести. Но тогда мы принимаем все меры к тому, чтобы палач и рабочий, сносящий дома, не стали судьями в этом деле. Ведь допусти мы такое положение вещей — и не уцелело бы ни одной шеи и ни одного дома. И однако врача мы делаем судьей и пишем его дохода от шести пенсов до нескольких сот гиней, оттого он выносит благоприятное решение. Я не могу разбрить себе книжку без того, чтобы хирург не задался трудным вопросом: «А не мог бы я извлечь больше пользы из лишней горсти гиней, чем этот человек извлекает из своей ноги? Разве не мог бы он писать не хуже, а то и лучше, имея одну ногу, а не две? А мне сейчас позарез нужны деньги. Жена... детки... в ноге может начаться гангрена... всегда безопаснее ее отнять... он поправится в две недели... теперь так хорошо научились делать искусственные ноги, что они надежнее настоящих... развитие идет в сторону моторов, безногости и т. д. и т. п.».

Никакой инженер не произведет вернее расчета балки под нагрузкой, а астроном не рассчитает появления кометы точнее, чем мы уже теперь способны рассчитать, что скоро нас со всех сторон обкарнают хирурги, признающие операции необходимыми только потому, что им хочется их делать. Процедура, которая называется «подоить богача» или «пустить кровь», производится каждодневно не только переносно, но и буквально хирургами, ничуть не менее честными, чем большинство из нас. На концах, кому от этого вред? Не обязательно отнимать богача (или богачки) ногу или руку, — можно удалить аппен-

дикс или язычок мягкого нёба, — от пациента нисколько не убьет, если он повалится недельки две в постели, зато сиделку терапевту, аптекарю и хирургу от этого только прибудет

СОМНИТЕЛЬНАЯ РЕПУТАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССИИ

Снова я слышу голоса, возмущенно твердящие привычные фразы насчет высокой репутации, честности и совести представителей медицинской профессии. Должен ответствовать, что репутация эта не столько высокая, сколько постыдная. Я не знаю ни одного мыслящего и образованного человека, который бы не сознавал, в чем состоит трагедия больного в наше время: больной оказывается во власти профессии, к которой относится с глубоким недоверием; мало того что она пропагандирует и осуществляет отвратительные зверства в погоне за знаниями, приводя в оправдание те же доводы, какими с равным успехом можно оправдать применение этих зверств к вам самим и к вашим детям или оправдать поджог Лондона в целях испытания патентованного огнетушителя, — она еще, напугав публику, пытается успокоить ее захватывающим дух наглым враньем. Вот какова нынешняя репутация медицинской профессии. Заслуженная или не заслуженная, она такова, и врачи, которые этого не сознают, очевидно, витают в эмпиреях. Что же касается честности и совести врачей, то они им свойственны в той же степени, что и любым другим категориям людей, — не больше и не меньше. И кто вообще посмеет притворяться беспристрастным, когда перевешивает собственный денежный интерес? Никто не предполагает, что врачи менее добродетельны, чем судьи, и однако судья, жалованье и репутация которого зависят от того, в чью пользу он вынесет приговор — истца или ответчика, обвинителя или подсудимого, — заслуживает столь же мало доверия, что и генерал, подкупленный противником. Предложите мне врача в качестве судьи и потом придать вес его решению крупной взяткой и фактической гарантией недоказуемости возможной ошибки — значит превысить установленное напряжение, которое может выдержать человеческая натура. Да просто абсурдно утверждать, будто врачи в ныне существующих обстоятельствах не делают ненужных операций и не выдумывают и не затягивают приносящих им выгоду болезней. Вне подозрения могут считать себя только те врачи, которых все так помогают, что место излеченных тут же заступают новые больные. И следует помнить еще о таком

и психологическом моменте: болезнь или смерть создают врачу рекламу точно так же, как смертный приговор создает рекламу адвокату, выступавшему защитником повешенного. Предположите, например, что у члена королевского дома что-то не в порядке с горлом или боли в животе. Если врач проведет пустяковое лечение с помощью согревательного компресса или мятных лепешек, никто на него и внимания не обратит. Но если он сделает операцию горла и уморит пациента или удалит какой-нибудь внутренний орган, продергивав всю страну в трепете несколько дней, пока пациент пребывает на грани жизни и смерти, в лихорадке и боли, вот тогда карьера его обеспечена: каждого богача, не вызвавшего этого счастливца к кому-то из начальцев с теми же королевскими симптомами, осудят за то, что он не сделал для больного всего, что мог. Удивительно, что в Европе не перевелись еще короли и королевы.

ВРАЧЕБНАЯ СОВЕСТЬ

Имеется и еще одна причина, по которой трудно доверяться чести и совести врача. Врачи тут ничем не отличаются от других англичан: у большинства из них нет ни чести, ни совести, а за них обычно ошибочно принимают сентиментальность и сильнейшую боязнь сделать что-то такое, чего все другие не делают, или вдруг не сделать того, что делают все вокруг. Это, конечно, соответствует своего рода повседневному, приблизительному понятию о совести, но означает также, что они способны совершить любой плохой или хороший поступок, если найдется достаточное количество людей, которые поощряют вас, делая то же самое. Этот же вид совести позволяет поддерживать порядок на пиратском судне или в шайке разбойников. Могут сказать, что в конечном счете иного вида чести и совести не существует, — одобрение большинства есть единственная этическая опора. Безусловно, рассуждение это справедливо в политическом плане. Если бы человечество знало факты и было согласно с врачами, тогда на стороне врачей были бы и правда и любой инакодумающий был бы сумасшедшим. Но в том-то и дело, что человечество с ними не согласно и фактов не знает. Все, что можно сказать о популярности медицины, — следующее: пока не появится реального равноправного варианта в истой вере в докторов, правда о враче останется столь великой, что мы не сможем взглянуть ей в лицо. Мольер видел докторов насквозь, и все же был вынужден к ним обращаться. У Наполеона не было на их счет никаких иллюзий, но он умер

в процессе лечения, как самый что ни на есть доверчивый простак, отдающий свои шесть пенсов за пузырек с лекарством. Очутившись в таком затруднительном положении, большинство людей, чтобы уберечь себя от невыносимого скепсиса и страдания или от фактического конфликта с законом в результате работы собственной совести, прибегает к старому правилу — не можешь получить то, во что веришь, верь в то, что есть. Когда у вас заболевает ребенок или умирает жена, а вы их очень любите, а если и не любите, то достаточно гуманны, чтобы забыть свои личные обиды при виде мук и гибели ближнего, то вы нуждаетесь в утешении, в поддержке, в чем-то таком, за что можно ухватиться, пусть даже это будет соломинка. Вот это и предоставляет вам врач. У вас возникает страстная, нетерпеливая потребность что-то немедленно сделать, и врач что-то делает; иногда это «что-то» убивает больного, но вы этого не знаете, а врач вас уверяет, что сделано все, что в человеческих силах. И ни у кого не хватит жестокосердия сказать осиротевшему отцу, матери, мужу, жене, брату или сестре: «Своей доверчивостью ты убил дорогое тебе существо».

СТРАСТЬ К ОПЕРАЦИЯМ

Таким образом, все оказывается на стороне врача. Когда люди умирают от болезни, говорят, что они умерли от естественных причин. Когда они выздоравливают, как чаще всего и бывает, заслуга приписывается врачу. В хирургии все операции считаются успешными, если пациента получают из больницы или частной лечебницы живым, хотя дальше дело может принять такой оборот, что честный хирург, пожалуй, заречется еще раз рекомендовать эту операцию. Целый ряд операций, заключающихся в ампутации конечностей и удалении внутренних органов, не дают возможности проверить, были ли они необходимы. Существует мода на операции, как и мода на рукава и юбки; триумф какого-нибудь из хирургов, обнаружившего более или менее безопасный способ производить дотоле рискованную операцию, обычно сопровождается повальным увлечением этой операцией не только среди врачей, но и среди больных. Находятся мужчины и женщины, которых операционный стол словно привораживает; полуживые люди в силу тщеславия, или ипохондрии, или жажды быть объектом постоянного внимания, или еще чего-либо полностью утрачивают и без того слабо развитое сознание ценности своих органов и конечностей. Утрата последних волнует их не больше, чем омаров или ящериц. Но

там, по крайней мере, имеется оправдание — они отрастят себе новые клаши и новые хвосты взамен утраченных.

Пока готовилась эта статья, в суде слушалось дело человека, который возбудил иск против железнодорожной компании за причиненный ему ущерб — поездом ему отрезало обе ноги. Дею он проиграл, так как было доказано, что он подстроил все это сам для того, чтобы получить от компании пособие бездействника, не понимая по глупости, насколько больше он потеряет в случае такой сделки, даже если бы он выиграл тяжбу и получил компенсацию, превосходящую его сокровенные мечты.

Этот поразительный случай позволяет утверждать (и мне, может быть, даже поверят), что есть среди классов, способных платить за модные операции, горсточка личностей, которые настолько бессильны различить, что важнее — сохранение своего тела в целости (включая способность к деторождению) или удовольствие говорить о себе и слышать о себе молву как о героях и героянках сенсационной операции, что они подбивают хирургов оперировать, воздействуя на них не только перспективой крупного гонорара, но и неотступными пышными уговорами. Я не устану повторять, что, когда операция уже сделана, никто не докажет, что она не была нужна. Если я откажусь дать отрезать себе ногу, гангрена и смерть могут подтвердить, что я был неправ. Но согласись я подвергнуться ампутации, никто никогда не сможет доказать, что в противном случае гангрены не последовало бы. Вот почему операция для хирурга дело и верное и прибыльное. В результате мы слышим о «консервативных хирургах», то есть таких, которые взяли себе за правило обходиться по возможности без операций и к которым обращаются те, у кого хватает жизнебоючия считать операцию крайним средством. Но хирурги не обязаны придерживаться консервативных взглядов. Если хирург полагает, что тот или иной орган в лучшем случае ненужный пережиток и пациент без него отлично обойдется и поправится в две недели, тогда как на лечение ушел бы месяц, то хирург имеет право рекомендовать операцию, даже если медленное лечение бывает операции вернее верного. Таким образом, и консервативный хирург, и оперативный или радикальный могут быть правы, так что совесть им тут не помощник.

ЛЕГКОВЕРИЕ И ХЛОРОФОРМ

Нет в мире научного факта более жестокого, чем тот, что веру можно производить в практически неограниченных количествах и какой угодно силы, невзирая на доводы опыта и рас-

судка и даже вопреки им, исходя из простого желания верить, основанного на властной потребности в вере. Она наглядно проявляется в слепых любовных увлечениях юношей и девушек, которые видят героев и ангелов в заурядных и даже неприемлемых (с точки зрения окружающих) юнцах и девицах. Но для человеческой деятельности в целом она благотворна. Трезвейший материалист обратится к спиритам, занимающимся выступлением по столу и писанием на грифельной доске, если он потеряет ребенка или жену, столь любимых, что желание оживить их, общаться с ними становится непреодолимым. Сапожник верит, что лучшее кожа ничего на свете нет. Империалист, считающий завоевание иностранными державами Англии худшим из политических несчастий, верит, что, завоевав иностранную державу, Англия окажет ей чистое благодеяние. Врачи так же подвержены иллюзиям, как и остальные люди. Можна ли поэтому сомневаться, что в существующих условиях неизбежно делается множество ненужных и вредных операций и больным пытаются внушить, будто благодаря современной хирургии и анестезии операции стали гораздо менее серьезным делом, чем они есть в действительности? Когда врачи выступают устно или в печати на тему об операциях, они намекают, а то и прямо говорят, что хлороформ обезболил хирургию. Но тем, кого оперировали, лучше знать, как это бывает. Пациент не чувствует боли от ножса, что значительно облегчает работу хирургу. Но пациент расплачивается за анестезию мучительными часами дурноты, а когда она проходит, начинает болеть рана, нанесенная хирургом, — она тоже должна заживляться, как всякая другая рана. Получившие же между «оперативные» хирурги, которых обычно и след простыл, прежде чем больной пришел в сознание, не видят страданий, очевидцами которых приходится быть лечащему врачу и сиделке, и потому порой говорят об операциях примерно как палач в «Барнаби Радже» толкует про казнь — так, словно подвергаться операции невесть какая роскошь не только в смысле цены, но и в смысле переживаний.

БЕДНОСТЬ МЕДИЦИНЫ

В довершение всех зол врачи ужасающие бедны. У ирландского респектабельного доктора моего детства, который брал с больного не меньше гинеи, но зато навещал его потом раза четыре, сейчас в английском обществе эквивалента нет. Лучше быть носильщиком на вокзале, чем заурядным врачом общего типа. Носильщик получает от восемнадцати до двадцати трех

шитников в неделю от железнодорожной компании; его чаевые, если не считать двух пенсов от пассажиров третьего класса (не уверен, что и такое исключение надо делать), равны гонорару врача в случае пассажиров второго класса и двойному гонорару врача в случае пассажиров первого класса. Любая категория приватных людей, оказавшихся в таком положении, тяготеет к категории разбойников, и врачи тоже не составляют исключений. Им предлагается постыдная цена за совет и лекарство. Пациенты их по большей части так бедны и невежественны, что хорошим полезным советом они пренебрегают как невыполнимым и оскорбительным. Когда вы нуждаетесь настолько, что просто не можете не взять восемнадцать пенсов у человека, по бедности не способного заплатить вам больше, бесполезно говорить, что ему или его больному ребенку не лекарство нужно, а нужно больше отдыхать, теплее одеваться, лучше питаться, жить в доме, который бы лучше проветривался и имел нормальную канализацию. Милосерднее будет дать ему пузирек чего-то дешевого, как водица, и велеть зайти еще раз с новыми восемнадцатью пенсами, если лекарство не поможет. Когда вы продолжаете это изо дня в день целую неделю, много ли научной совести у вас останется? Если у вас настолько не хватает гума, что вы судорожно цепляетесь за ваши восемнадцать пенсов как символ социального превосходства над шестнадцатипенсовым врачом, то вы так и пробудете до конца жизни, в то время как шестнадцатипенсовый врач с его низкой ценой и быстрой пропускной способностью будет зарабатывать больше вашего, убивая при этом ничуть не больше народа.

Врачебной репутации при таких условиях выстоять не проще, чем легким его пациентов в условиях скверной вентиляции. Единственный для врача путь сохранить самоуважение это забыть все, чему он когда-то учился, и оказывать помощь задаром, только за счет того, что он менее невежествен и более привычен к виду болезни, чем его пациенты. В конце концов он приобретает опыт по уходу за больными в домашней нищенской обстановке, как женщины, привыкшие работать прислугой в больших заведениях с лифтами, пылесосами, электрическим освещением, паровым отоплением и всевозможными механизмами, превращающими кухню в смесь лаборатории и паровозного депо, очутившись в мире, где от них требуется тяжелый поденный труд, научаются делать свое дело по-новому, сживааясь с переливчими обычаями и эжакками приспособлениями в лачугах, где даже пучок растопки — роскошь, которой надо уметь почитаться экономно.

Врач, чей успех усыпляет общественное мнение, так что оно уже не замечает нищенского положения медиков, деморализован почти в такой же степени, как и врач-неудачник. Его продвижение вверх означает, что практика его все больше ограничивается богатыми бездельниками. Образцом уместного совета для большинства их недомоганий может служить изречение Эбернети: «Проживите на шесть пенсов в день, но при этом еще и заработайте их». Но уместный совет на верхнем конце лестницы, как и на нижнем, столь же неприемлем и неприменим. Каждая предрасположенная к ипохондрии богатая дама или каждый господин, которых можно убедить в том, что они пожизненные инвалиды, для врача означают от пятидесяти до пятисот фунтов в год. Операции позволяют хирургу заработать такие же суммы за пару часов, а если хирург при этом имеет частную лечебницу, то он еще и извлекает немалые барыши из этого своего рода дорогостоящего отеля. Доходы эти так велики, что они в значительной мере снимают то моральное преимущество, которое дает отсутствие нудных денежных забот богатому врачу по сравнению с бедным.

Правда, для богатого врача не существует соблазна назначить фальшивое лечение из-за того, что подлинное для пациента или доктора слишком дорого. У него на руках всегда в избытке настоящих больных, которых он может позволить себе лечить по-настоящему, и эти случаи доставляют ему достаточно подлинной научной профессиональной работы, спасая тем самым от невежества, устаревания и притупления научной совести, неизбежных у его более бедных коллег. С другой стороны, затраты его непомерны. Даже оставаясь холостяком, он вынужден при нормах Вест-Энда зарабатывать больше тысячи фунтов, и тогда только он сможет, скажем, застраховать свою жизнь. Его дом, прислуга, экипаж (или авто) должны соответствовать уровню, к которому привыкли его пациенты, даже если самому ему требуется всего-навсего две комнаты и походная койка. А главное, доход, покрывающий эти издержки, прекращается мгновенно, как только врач прекращает работать. В отличие от дельца, за которого управляющие, клерки, служащие на складе и рабочие продолжают делать налаженное дело, пока он пребывает в постели или в клубе, врач не зарабатывает через посредника ни гроша. Хотя он, как никто, подвергается опасности заразиться, и, бывает, ни разу за неделю ему не удается проспать ночь целиком,— несмотря на все это, он перестает получать деньги, как только перестает хо-

дить по вызовам. Поэтому болезнь для него страшна, как ни у кого, а успех не дает чувства уверенности.

Он непрестанно должен ковать железо,— а вдруг да оно остынет. Человеку не выдержать такого постоянного напряжения. Когда не выдерживает врач, он начинает суетиться, без нужды навещает больных; выписывает нелепые рецепты промеж того втириания, с помощью которого один ирландский портной вывел бородавку на пальце у моего отца; говорясь с хирургами, убеждает больных в необходимости операции; разжигает мнительность у *malade imaginaire*¹ (а тот и вправду болен, так как идеального здоровья на свете не бывает, а значит, не бывает и абсолютно здоровых людей); пользуется людской глупостью, тщеславием и страхом смерти с такой же безжалостностью, с какой его собственное здоровье, силы и терпение эксплуатируются себялюбивыми ипохондриками. Врачам приходится проделывать все это или же идти на денежный риск, что трудно требовать от человека. И чем здорнее делается человечество, тем больше докторам приходится прибегать к обману и тем меньше заниматься истинно полезной деятельностью, которой всегда найдется предостаточно для того, чтобы врачи не развратились окончательно. Ибо даже самому закоренелому мошеннику, прописывающему тоник на цифре для поднятия тонуса у великосветских дам, нуждающихся в нем точно так же, как женщины из бедных слоев нуждаются в стакане джина, доводится все же достаточно часто помогать при родах, и это одно уже должно давать ощущение, что они не зря живут на свете.

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ВРАЧЕЙ ЛЮДЬМИ НАУКИ?

Никто, я полагаю, не усомнится в наличии широко распространенного и популярного заблуждения, состоящего в том, что каждый врач есть человек науки. Оно не охватило лишь небольшую группу из тех, кто понимает под наукой нечто большее, чем колдовская возня с ретортами и спиртовками, магнитами и микроскопами или открытие чудодейственных лекарств от всех болезней. Для достаточно темного невежды всякий капитан торговой шхуны уже Галилей, всякий шарманщик — Бетховен, всякий фортепьянный настройщик — Гельмгольц, всякий адвокатишко из Олд Бейли — Солон, всякий торговец голубя-

¹ Мнимого больного (франц.).

ми — Дарвин, всякий писец — Шекспир, паровоз — чудо, а машинист — личность не менее замечательная, чем Стивенсон.

На самом деле рядовые врачи — не в большей степени ученые, чем их портные, или, если хотите, наоборот, их портные не в меньшей степени ученые, чем они. Врачевание — искусство, а не наука; любой неспециалист, интересующийся наукой настолько, чтобы выписать себе один из научных журналов и следить за научной литературой и развитием науки, разбирается в ней гораздо больше, чем врачи (вероятно, даже большинство врачей), которые вовсе ею не интересуются и практикуют только ради заработка. Врачевание это даже не искусство сохранять людей здоровыми (никакой врач лучше, чем его собственная бабушка или соседская знахарка, не посоветует, что вам есть), это искусство залечивать болезни. Бывает, как исключение, что практикующий врач делает вклад в науку (в моей пьесе описывается такой вклад, и весьма заметный). Но гораздо чаще из своего клинического опыта врач извлекает губительные выводы, так как никакого понятия о научном методе он не имеет и убежден, как и любой невежида, что никакой особой квалификации не требуется. Различие между знахарем и квалифицированным врачом состоит в основном в том, что только квалифицированному врачу разрешено подписывать свидетельство о смерти, хотя на долю обоих таких случаев выпадает примерно одинаково.

Неквалифицированные практикующие врачи называют нынче недурное состояние в качестве гигиенистов, и культурные любители науки, вполне отдающие себе отчет в том, что делают, обращаются к ним так же часто, как и люди темные, делающие это по невежеству. Костоправы сколачивают себе состояния под самым носом у наших знаменитейших хирургов за счет образованных и богатых пациентов, а некоторые из наиболее преуспевающих и признанных докторов используют весьма варварские способы лечения и квалификацию получали исключительно для удобства. Если оставить в стороне деревенских ведьм, лечащих заклинаниями и торгующих амулетами, то самыми смиренными профессиональными целителями в нашей стране можно считать собирателей лекарственных трав. Эти чудаки бродят в воскресные дни по лугам, выискивая травы с чудодейственными свойствами, исцеляющими болезнь, предохраняющими от зачатия и прочее. Каждый из них верит, что он накануне великого открытия, в котором главную роль будет играть горец змеиный; бог весть почему горец змеиный, или змеевик, пленяет воображение собирателя трав, как, бывало, ртуть пленила воображение алхимика. По будням он торгует

и своей лавочке пакетиками мяты золотной, адуванчика и прочими снадобьями, прилагая списки болезней, от которых они чтобы излечивают. Но они и в самом деле излечивают, к радости людей, без устали их покупающих. Я никогда не видел различия между наукой травника и должным образом зарегистрированного врача. Одна моя родственница недавно консультировалась у врача по поводу самых обыкновенных симптомов, говорящих о необходимости отдохнуть и переменить обстановку. Врач успокоился на том, что деятельность сердца у больной несколько понижена. Памятуя, что дигиталис — известное сердечное средство, врач взял и прописал ей ударную дозу. К счастью, старушка была выносливой и убить ее оказалось не так-то легко. История закончилась благополучно, старушка отделалась легко, а именно — обращением к «христианской науке», модой на которую мы обязаны как суеверию, так и всеобщему разочарованию в докторах. Я не собираюсь здесь, заметьте, разбирать, была ли правомочной доза дигиталиса или нет; суть в том, что любой работник с фермы, обратившись к знатоку целебных трав, получил бы точно такое же лечение.

БАКТЕРИОЛОГИЯ КАК СУЕВЕРИЕ

Поверхностные познания в науке, которых нынче все, начиная докторов, нахватываются из обычных газет, делают врача еще опаснее, чем он был раньше. Люди предусмотрительные прежде старались обращаться к докторам, получившим квалификацию до 1860 года, то есть к тем, которые врачебно относились к идее микробы (или просто игнорировали ее) и к бактериологической терапии, но теперь ветераны эти по большей части ушли на покой или вымерли, и мы очутились в руках у поколения, которое, будучи наслышано о микробах столько же, сколько святой Фома Аквинский об ангелах, скоропалительно заключило, что все искусство врачевания сводится к формуле: найди микробы и убей его. Но и этого они не умеют делать. Простейший способ расправиться с микробами — это оставить их на открытом воздухе или бросить в реку — пусть на них светит солнце. Ведь известно: теперь, когда крупные города безрассудно вывели все свои сточные воды в реки, вода в двадцати милях ниже города бывает чище, чем в тридцати милях выше. Но врачи инстинктивно избегают всех обнадеживающих фактов и с восторгом хватаются за те, из которых чисто одно: чудо, что вообще кто-то может три дня прожить в атмосфере, состоящей из бесчисленных болезнестворных ми-

кробов. Они считают, что микробы бессмертны до того момента, пока специально подготовленный медик не уничтожит их с помощью какого-нибудь гермicideного препарата. По всей Европе развешиваются объявления, где прямо-таки под угрозой судебного взыскания население убеждают не выставлять своих микробов на солнце, а, тщательно собрав в платок, прятать от света в теплом кармане и отсылать в прачечную, где эти платки смешаются с платками других людей. Результаты слишком хорошо известны местным отделам здравоохранения.

Во время первого приступа микробоубийства хирургические инструменты погружали в карболку, что было большим достижением после того, как их ни во что не погружали и использовали как есть, грязными. Но с антимикробной точки зрения, изобретение это оказалось не слишком удачным, поскольку микробам до того нравится карболка, что они в ней так и кишат. В кровь чахоточных формалин вводился до тех пор, пока не обнаружилось, что формалин прекрасно питает бациллу туберкулеза, но убивает человека. Популярная «теория болезни» в медицине общеизвестна: дескать, на всякую болезнь имеется микроб, в должное время взращенный в садах Эдема, и с той поры болезнь неуклонно воспроизводит себя, образуя все расширяющиеся круги болезнестворности. С самого начала стало ясно, что, будь это хоть в отдаленной степени правдой, все человечество давно было бы сметено чумой с лица земли, а каждая эпидемия, вместо того чтобы исчезать так же загадочно, как и возникла, охватывала бы весь земной шар. Стало очевидным и то, что характерный микроб какой-нибудь болезни может быть не причиной, а симптомом. Человек непунктуальный вечно спешит, но из этого не следует, будто спешка – причина непунктуальности, напротив, болезнь его заключается в медлительности. Когда Флоренс Найтингейл направил заявление, что, если солдат до отказа набивать в грязные казармы, то среди них вспыхнет эпидемия оспы, ее обозвали невежественной особой, не знающей, что оспа начинается, только если занести соответствующий микроб.

Но если такова позиция, занимаемая в отношении оспы, микроб которой до сих пор еще не выловлен и не положен бактериологами под микроскоп, то какова же должна быть убедженность по поводу туберкулеза, столбняка, брюшного тифа, мальтийской лихорадки и прочих болезней, чьи возбудители опознаны! Когда бациллу не обнаруживали, предполагалось, что она пока просто не попадает в поле зрения, так как ни одной болезни без бациллы не бывает. Когда бациллу, как это часто случается, находили у людей здоровых, теорию спасали, объявляя

бигиллу самозванкой или псевдобрациллой. Такое же безграничное лековерие, какое проявляла публика в отношении способности докторов ставить диагноз, обнаруживали и сами врачи по отношению к лаборантам, охотившимся за микробами. Эти охотники за ведмами готовы были за шесть шиллингов выдать вам свидетельство об элементарном составе чего угодно — от образца воды из вашего колодца до лоскутка ваших легких. Я вовсе не намекаю на то, что люди, этим занимавшиеся, были нечестными. Вне всякого сомнения, они производили анализ с той чистой добросовестности, какую могли позволить себе за деньги. Вне всякого сомнения, они производили анализ даже и не без некоторой пользы. Но факт остается фактом: так же, как служащие врачи без малейших колебаний берутся за полкроны делать операции, которые частный специалист без посторонней помощи не мог бы без риска сделать как следует, с должностной научной взыскательностью и необходимой аппаратурой, меньше, чем за несколько тысяч фунтов, так и охотники за микробами действовали в полной уверенности, что они могут получить последнее слово науки относительно состава своих патологических проб за цену двухчасовой поездки в такси.

МОДА И ЭПИДЕМИЯ

Частная медицинская практика управляет не наукой, а спросом и предложением. И каким бы научным ни было лечение, оно долго на рынке не продержится, если на него нет спроса; равно как и грубейшее шарлатанство не прогонишь с рынка, если на него есть спрос.

Спрос, однако, можно возбудить искусственно. Это дело досконально изучили модные торговцы, которым ничего не стоит уговорить своих клиентов заменить ранее купленные предметы одежды, которые совсем еще не износились, новыми и то купить вещи, которые им вовсе не нужны. Превращая врачей в торговцев, мы заставляем их осваивать трюки профессии и в результате обнаруживаем, что моды сезона распространяются не только на фасоны шляп и рукавов, на песенки и спортивные игры, но и на операции и определенные лекарства. Миндалины, червеобразный отросток, язычок мягкого нёба и даже чешуики вырезаются в угоду моде. К тому же операции весьма доходны. Психология моды становится патологией, причем бо́льши имеют вид неподдельных. Словом, моду впору уподобить искусственно вызванной эпидемии, и это доказывает, что эпидемию могут возбудить торговцы, а значит, и врачи.

Нельзя не признать, что положение дел создалось неважкое. И публика с ее вкусом к мелодраматическому, всегда требующая не защиты от зла, а злодея, которого можно освистать, припишет, конечно, вину не собственной апатии, суеверности и невежеству, а порочности врачей – ничего нет более несправедливого и вредного. Врачи, может быть, и не лучше других людей, но уж во всяком случае не хуже. На представлениях «Врача перед дилеммой» в «Корт-тиэтр» в 1907 году меня упрекали за то, что художника я вывел негодяем, журналиста безграмотной бездарностью, а всех врачей сделал «ангелами». Но я просто не выходил за рамки собственного опыта. Мне посчастливилось вот уже добрых сорок лет иметь среди моих друзей докторов, причем все они прекрасно осведомлены о том, что я отнюдь не так доверчив, как многие, и не приписываю им, как другие, сверхъестественных возможностей и знаний. И хотя я знаю, что доктора-мерзавцы попадаются так же, как и мерзавцы военные, законники и священники (поневоле узнаешь, если тебе выпадет на долю слышать профессиональные разговорчики врачей), сам я получал частный врачебный совет и уход и тогда, когда у меня не было ни гроша в кармане, и впоследствии, когда мог позволить себе платить гонорары по высшей ставке; поэтому я не разделяю враждебного отношения к врачу как к человеку, которое бытует и неизбежно прогрессирует в результате нынешнего состояния врачебной практики. Случается, правда, что интерес к болезням и разного рода отклонениям от нормального, заставляющий некоторых мужчин и женщин заниматься медициной и хирургией, становится таким же нездоровым, как и интерес к страданиям и пороку, толкающий иных на филантропическую и спасительскую деятельность. Но истинного врача вдохновляет ненависть к болезни вообще и божественная нетерпимость к любой бессмысленной затрате жизненных сил. Если только к медицине или хирургии человека привели не какие-то исключительные технические способности или семейная медицинская традиция или же его точка зрения на медицину как на выгодную и джентльменскую профессию, то мотивы, побуждающие его выбрать карьеру исцелителя, можно считать благородными. Если даже реальная практика разочарует его и развернит, все равно его выбор в первой инстанции говорит о том, что побуждения его не были низменными.

Если рассмотреть пункты обвинения, которые я выдвигаю против частной врачебной практики, окажется, что вытекают они из положения врача, весьма близкого положению конкурирующего частного торговца: иначе говоря, из его бедности и несамостоятельности. И надо не забывать еще, что от докторов ждут, чтобы они сугубо бережно обращались с другими, между тем как с ними обращаются сугубо наплевательски. От мясника и булочника, например, не требуется, чтобы они кормили годного даром, но на врача, который не облегчил страданий близкого или допустил его гибель, смотрят, как на монстра. Даже если забраковать больничное обслуживание, сождя его и в самом деле корыстным, нельзя не признать, что большинство врачей в частной практике на протяжении своей карьеры прощаются изрядную долю работы безвозмездно. Что же касается оплачиваемой доли работы, то доктор находится в других условиях, нежели торговец. Хотя продаваемые им товары — совет и лечение — одни и те же для всех слоев общества, тщательный градуирован как подоходный налог. Преуспевающий модный врач может время от времени избавляться от пациентов победнее и в конце концов обратиться в корпорацию врачей, чтобы та сняла с него право вообще брать низкую плату. По рядовой практикующий врач никогда не вытишет очередной счет, не рассчитав налогоплатежности пациента.

Ну, а кроме того врачу приходится пренебрегать своим здоровьем и покоем, как того требует аварийный характер его работы. Мы с ним вежливы и предупредительны, когда у нас все в порядке; мы встречаемся с ним как с приятелем или приветствуем его как гостя. Но когда у нашего младенца круп, или у его матери температура сорок, или дедушка сломал ногу, тут уже о враче думают исключительно как о целителе и спасителе. Пусть он голоден, утомлен, хочет спать, изнурен после того, как несколько ночей подряд его мучали особым орудием пытки — ночным звонком в дверь. Но кто об этом задумывается перед лицом внезапной болезни или несчастного случая? И этот момент о состоянии самого доктора мы заботимся так же мало, как и о состоянии пожарника во время пожара. Ночная работа у других профессий специально оговаривается и оплачивается. Рабочий отсыпается днем, получает завтрак免費, ленч или обед ночью, обед или ужин утром, перед тем как лечь спать. Если он не выдерживает ночной работы, он переходит на дневную. Но врач обязан работать круглые сутки. Ни врачебных практиках, охватывающих главным образом рабо-

чие клубы, то есть имеющих дело с пациентами в массовом масштабе, несчастный помощник врача или сам врач, если у него нет помощника, зачастую ложится не раздеваясь, так как знает, что ему не удастся урвать и часа сна, как его снова вызовут к больному. К этим напряженным бесчеловечным условиям добавим постоянный риск подхватить заразу. Можно только удивляться, как это нетерпеливые врачи не становятся бешеными и необузденными, а терпеливые — слабоумными. Хотя в какой-то степени так оно и происходит. А жалованье при этом мизерное и такое ненадежное, что отказ посетить больного без уплаты денег вперед часто становится необходимой мерой самозащиты, а между тем местные суды давно упразднили традицию, по которой гонорар служит врачу и жалованьем. Самые знаменитые доктора, по свидетельству таких биографов, как Пэджет, порой нищенски, нечеловечески бедны всю лучшую пору жизни.

Короче говоря, врач сейчас гораздо больше нуждается в нашей помощи, чем мы обычно нуждаемся в его. Насмешки Мольера, смерть такого сведущего, умного писателя, как Гарольд Фредерик, в руках приверженцев «христианской науки» (как бы кровью закреплено его презрительное неверие в докторов, неприязнь к ним, которые он с горечью выражал в своих книгах), злое и вполне оправданное разоблачение медицины в романе мистера Маартена Маартенса, озаглавленном «Новая религия», — все это очень мало волнует наших врачей и, во всяком случае, отлично оттеняется популярностью знаменитой картины сэра Льюка Филдса и вердиктами, которыми присяжные время от времени подтверждают свое убеждение, что врач не может нанести вреда. Реальными бедами врача остаются пониженный сюртук, угроза нищеты, тирания невежественных пациентов, двадцатичетырехчасовой рабочий день и бесполезность честно прописывать то, в чем действительно нуждается большинство пациентов, а именно: не лекарство, а деньги.

ВРАЧ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Так что же делать?

По счастью, нам не надо начинать все сначала: в лице санитарного инспектора мы уже имеем такого врача, который лишен худших тягот, а следовательно и худших пороков частного врача. Его положение зависит не от количества больных, чью болезнь он может продлевать сколько захочет, а от количества здоровых. О его деятельности судят (как и должно су-

дить о врачах и способах лечения) исходя из статистики рождаемости и смертности в пределах его участка. Когда возрастает процент смертности, падает его репутация. Так как каждая прибавка жалованья доктору зависит от мнения общества о состоянии здоровья избирателей вверенного ему участка, то у него есть все стимулы стремиться к идеально чистому карантинному свидетельству. Положение его можно считать надежным, достойным, облеченным доверием, независимым, основанным целиком на здоровье людей; положение же частного доктора — непрочным, псевдоблагородным, безответственным, рабским, целиком основанным на болезни.

Не будем скрывать, случаются и на ниве государственного медицинского обслуживания скандальные случаи. Врач, состоящий на службе, иногда занимается и частной практикой, манкируя своей низкооплачиваемой службой и тем самым дополняя свои заработки. Попадаются такие захудалые места, которые никакой преуспевающий врач не согласится занять, и тогда места эти *faute de mieux*¹ автоматически занимают бездарности или пьяницы. Но даже и в таких случаях служащий врач принесет меньше вреда, чем частный. К тому же условия, порождающие эти злостные случаи, обречены, так как это осознано и осмыслено. Распространенное, но ненадежное средство таково: когда местные органы власти слишком бедны, чтобы требовать безраздельного внимания таких важных людей, как санитарные врачи наших крупных муниципалитетов, им надо объединить в целях здравоохранения свои финансовые возможности, чтобы каждый мог пользоваться услугами первоклассного высокооплачиваемого врача. Но самое правильное средство — укрупнять санитарные участки.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Еще одно преимущество государственного медицинского обслуживания заключается в том, что оно обуславливает твердую организацию дела и, следовательно, работа распределяется таким образом, чтобы высококвалифицированные специалисты не тратили время на несерьезные случаи. Индивидуализм же частной практики ведет именно к чудовищной трате времени по пустякам. Врачи, чье хирургическое искусство или почти пророческий диагностический дар постоянно требуются для сложных случаев, кладут припарки на панариции, делают прививки, ме-

¹ За неимением лучшего (франц.).

няют ерундовые повязки, прописывают эфирные капли дамам с легкой склонностью к алкоголизму и вообще расходуют время в погоне за частными гонорарами. Ни в какой другой области профессионалу не приходится делать всю относящуюся к его специальности работу с самого первого дня карьеры и до последнего, как приходится врачу. Судья выносит смертный приговор, но от него не ждут, чтобы он вешал преступника своими руками, а ему пришлось бы вешать, будь профессия юриста так же плохо организована, как медицинская. Епископ не обязан сам играть на органе или мыть младенца, которого он крестит. От генерала никто не требует, чтобы в половине первого он разрабатывал план кампании или руководил боем, а в половине третьего бил в барабан. Но даже если бы ему и пришлось потрудиться таким образом, дела все-таки не сложились бы так плохо, как у врача: тут первоклассному специалисту достается проделывать третъеразрядную работу, но, что еще страшнее, третъеразрядный специалист выполняет работу вместо первоклассного. Предполагается, что любой врач общего типа должен уметь по первому требованию производить всю амплитуду лечебных и хирургических манипуляций, а сельский доктор, при котором нет ни одного узкого специалиста и нет знаменитого консультанта на другом конце телефонного провода, часто вынужден не колеблясь браться за случаи, за которые никакой здравомыслящий городской врач в одиночку не взялся бы. Безусловно, это развивает у сельского доктора большую находчивость и разносторонность, чем у его пригородного коллеги, но из второстепенного врача первоклассного все равно не получится. Если бы юридическая практика вела к тому, что не только судье пришлось бы вешать, но и палачу судить, если бы в армии устройство было таково, что барабанщику довелось бы командовать при Ватерлоо, пока герцог Веллингтон бьет в барабан в Брюсселе, нас не утишила бы мысль, что наши палачи таким путем начинают лучше разбираться в юриспруденции, а наши барабанщики обретают большее чувство ответственности, чем в других странах, где для блага юридической и военной профессий признается преимущество разделения труда.

При таких условиях невозможно с точностью классифицировать профессиональные способности у врачей. Исходя из того, что врачи обыкновенные люди, а не чародеи (а к сожалению, трудно убедить окружающих встать на эту точку зрения и тем самым убить романтическое отношение к врачеванию), мы придем к мысли, что в медицинской профессии, как и во всех остальных, на одном конце шкалы помещается небольшой процент высокоодаренных личностей, а на другом — небольшой про-

чит убийственно безнадежных тупиц. Между этими крайностями находится основной массив докторов (тоже, разумеется, послабее и посильнее к концам), которые способны работать соответственно установленным нормам с большей или меньшей помощью сверху, смотря по тяжести заболевания. Или же, если взять за отправную точку болезнь, можно сказать так: бывают случаи, не представляющие особых трудностей, и с ними справится медицинская сестра или студент-медик, а бывают заболевания, для которых необходимы наблюдение и уход на высочайшем уровне врачебной квалификации. Между этими полюсами размещается огромное множество случаев, требующих попечения докторов со средними способностями, а также светил, в пропорции, скажем, семь к одному, семь к никому, три к одному, один к одному, а денежек-другой и ноль к одному. Такое обслуживание организовано сейчас только в больницах, хотя в крупных городах форма приглашения консультантов до некоторой степени его заменяет. Но в последнем варианте посещения не регулируются ничем, кроме профессиональной этики, а она, как мы уже убедились, имеет целью гарантировать не здоровье пациенту или обществу в целом, а заработок врачу и безнаказанность врачебных промахов.

А коль скоро консультант — непозволительная роскошь, то он, скорее, крайняя мера, чем нечто само собой разумеющееся, в ситуации, когда врачу общего типа одному справиться не под силу; заметим, что в подобном затруднительном положении может в любой момент оказаться и очень одаренный врач, если вдруг возник случай, с каким он в клинической практике не сталкивался.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Разрешение проблемы, таким образом, зависит от объединения общества, грандиозного, медленного, встречающего в здоровое противодействие, и называется это объединение, как правило, Социализм. Пока медицина не станет ассоциацией людей, получающих и оплачиваемых государством для того, чтобы они занимались здоровьем населения, она будет оставаться тем, чем она является сейчас: группой заговорщиков, эксплуатирующих людскую доверчивость и людские страдания. Положение наших санитарных врачей сейчас изменилось, не хватает лишь одного: чтобы перемену оценили не только врачи, находящиеся на государственной службе, но и частные. Когда, повторяем, в каком-нибудь из больших городов освобождается первоклассная

должность и все ведущие санитарные инспекторы вступают в конкуренцию друг с другом, они ссылаются на добре здравье населения, вверенное их заботам, а не на размеры доходов, на живаемых на нездоровье пациентов, как это делают частные врачи. Если претендент может доказать, что он полностью подавил всякого рода частную врачебную практику большого города, не тронув лишь акушерства и травматологии, его права неоспоримы, и к этому идеалу должен стремиться всякий санитарный инспектор. Профессия же в целом должна поддерживать его, несмотря ни на что, и готовиться к социальной перемене, которая принесет ей спасение. Ибо санитарный инспектор в нашем понимании — это только начало Армии общественной гигиены, которая в скором времени привлечет всеобщие интересы и уважение, ныне питаемые только к военным и морским силам. Глупо: англичанин больше боится немецкого солдата, чем английского разного микробы, и требует все новых казарм в тех же газетах, которые протестуют против новых клиник для школьников и во всеуслышание заявляют, что если Штаты будут вместо нас сражаться с болезнями, мы окажемся в положении нищих, но при этом никогда не говорят, что, если Штаты вместо нас будут сражаться с немцами, мы окажемся в положении трусов. К счастью, когда система мышления дурацкая, достаточно в качестве упорного лечения применять насмешку здравомыслящих острословов, и она будет посрамлена и уничтожена. С каждым годом становится все больше лиц, занятых общественной охраной здоровья, тогда как еще недавно те же лица были бы всего лишь искателями приключений в мире частной охраны болезни. А если выразить это по-другому — множество мужчин и женщин, у которых сейчас есть действенный стимул быть мерзавцами со злонамеренными и даже кровожадными наклонностями, получат честный и потому гораздо более действенный стимул стать не только добрыми гражданами, но и активно творить добро для общества. И им начисто не придется заботиться о своих доходах.

БУДУЩЕЕ ЧАСТНОЙ ПРАКТИКИ

Не следует делать поспешного вывода, будто все это означает отмирание частной практики. Означает это на самом деле иное: частный врач освободится от своей нынешней рабской зависимости от пациентов, зависимости, приводящей к нравственной и научной деградации. Как я уже показал, врач, который вынужден угождать пациентам и жить в постоянной

конкуренции со всеми, кто когда-либо заглядывал в больницу, еле выдержал экзамены и купил себе медную дощечку, скоро приходит к тому, что начинает прописывать воду трезвенникам, бренди или же из шампанского пьяничугам, бифштексы и портсигар в одном доме и вегетарианскую антиподагрическую диету в другом; он прописывает закрытые окна, жаркий огонь в камине и теплые шубы старым полковникам — и свежий воздух и оголение в пределах пристойности молодым сумасбродам и никогда не смеет ответить «я не знаю» или «я против». Между тем сила врача в том, что, когда социальное переустройство доходит наконец и до его профессии, у него, как и у всякого другого человека, есть выход — поступить на государственную службу, если частный наниматель станет слишком despoticen. И не воображайте, будто слова «пациент» и «врач» могут скрыть от обеих сторон тот факт, что один нанимает, а другой нанимается. Бессспорно, врачи, пользующиеся большим спросом, делаются своевольны и независимы, как это вообще свойственно работникам из всех слоев общества, когда спрос на их труд делает их незаменимыми. Не таково положение среднего врача: он борется за жизнь в густой толпе профессионалов и ему прекрасно известно, что врачебный такт, умение подойти к больному выведут его через трясину болезни на твердую почву платежеспособности, тогда как малейшая попытка говорить напрямик с людьми, которые слишком много едят, пьют, проводят слишком много времени в душных помещениях (не будем продлевать список излишеств, составляющих в большой степени семейную жизнь), скорехонько привела бы его в суд по делам о несостоятельности.

Частная практика, предохраняемая таким образом, и сама предохраняла бы отдельных людей, насколько это возможно, от ошибок и суеверий государственного врачебного дела, которые в конце-то концов ничуть не хуже ошибок и суеверий частной практики, так как от нее они, собственно, и берут начало. Такие безобразия, как прививки, основаны, как мы убедились, не на науке, а на полукронах. Если бы постановление о принудительной вакцинации, отмененное уже наполовину, не отменяли бы полностью, а, наоборот, укрепили, обязав всех родителей сделать прививки своим детям, причем руками врача, состоящего на службе у государства, чье жалованье начисто не зависит от числа сделанных им прививок, у кого и без того полно работы по здравоохранению, — вакцинации через два года не было бы в помине, так как врач, делающий прививки, не только ничего от этого не приобретает, но еще и теряет свое доброе имя из-за повышения смертности и случаев заболеваний на его

участке в результате прививок; и при этом никто уже и не замечает, что именно благодаря ему, благодаря исправному надзору и бдительному предотвращению инфекции оспа вспыхивает все реже. Нелепый скандальный эпизод, вызвавший панику во время последней лондонской вспышки оспы, когда плата в полкроны за повторную вакцинацию привела к тому, что на дома в отсутствие родителей совершались набеги, детей хватали и насильно делали еще раз прививку,— таких скандалов можно избежать, если отменить полкроны и тому подобные глупости и платить не за тот или иной колдовской обряд, а за реальный иммунитет к болезни, причем платить, исходя из рациональных соображений. Врач с твердым окладом избавлен от лишних хлопот, благо делает свое дело, минимально соприкасаясь с частными гражданами. Человек, получающий сдельно, лишается денег, если только он не навязывает людям свои услуги как можно чаще, не предупреждая при этом о последствиях.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Что касается технической стороны дела, то тут проблемы нет. А если бы и была, я не смог бы за нее взяться, так как я не компетентен в медицинской технике. Я пишу о медицине как экономист, политик и гражданин, руководствуясь здравым смыслом. Все, о чем я тут говорю, относится в равной мере ко всякой медицинской технике и подойдет в любом случае — строится ли гигиена общества на поэтических фантазиях «христианской науки», цеховых суевериях фармацевтов и вивисекторов или на всем том, что мы сумели извлечь из наших подлинных знаний. Но людям, которые путают медицинскую проблему с научной, я хочу напомнить, что все проблемы в конечном счете являются научными; считать, что терапия, или гигиена, или хирургия более научны или менее научны, чем шитье или чистка сапог, могут лишь те, для кого человек науки по-прежнему остается волшебником, способным вылечивать от всех болезней, превращать один металл в другой и давать нам возможность жить вечно. Вероятно, все-таки придется еще некоторое время играть на людском легковерии, любви к непостижимому и страхе перед ним, на людском идолопоклонстве для того, чтобы заставить бедняков подчиняться санитарным правилам, которые им по невежеству непонятны. Как я уже признавался в другом сочинении, я и сам повинен в том, что произносил смехотворные заклинания и производил манипуляции с горящей серой (совершенно, как экспериментально доказано,

бесполезные), а все оттого, что пламя и чудовищная вонь со-
кращают атмосферу таинственности и убеждают бедняков, буд-
то это изгоняет бесов оспы и скарлатины и позволяет без опас-
ки возвращаться к себе в дом. Если вы будете доказывать им,
что весь секрет в солнечном свете и мыле, вы лишь убедите их
в том, что вам наплевать, выживут они или умрут, и вы про-
сто хотите сэкономить за их счет. Вот вы и устраиваете
представления с заклинаниями, и они, удовлетворенные, отправ-
ляются по домам. Религиозная церемония — скажем, поэтическое
освящение порога — подошла бы куда лучше, но, к сожалению,
у нашей религии слабовато с санитарной стороной. Величайшее
нечастие христианского мира заключается в последующей ре-
акции на сладострастную любовь к купанию у римлян эпохи Им-
перии, нечистоплотность возвели уже в христианскую доброде-
тель, а в некоторые злополучные уголки земли (например, на
Синдичевых островах) вместе с христианством занесли болез-
ни; между тем создатели вытесненной туземной религии, такие,
как Магомет, были достаточно просвещенными, чтобы под
видом религиозных отправлений ввести некоторые санитарные
навыки вроде омовения и самого заботливого и почтительного
отношения ко всему, что отбрасывает человеческое тело, вклю-
чая обрезки ногтей и волосы. А наши миссионеры взяли и без-
думно отвергли эту благочестивую доктрину, ничем не заменив
ее, поэтому ее место тут же заняли лень и неряшество. Если
бы священников Ирландии можно было убедить проповедовать
своей пастве, что, помещая изображение святой девы в домаш-
ке, где не поддерживается чистота, соответствующая высоким
воскресным нормам, к которым она привыкла, ты наносишь
деве смертельное оскорбление, и при этом особенный упор де-
лать на ее требовательность в отношении конюшен, так как
коношне родился ее сын,— если бы священники поступали
именно так, то им за один год удалось бы добиться большего,
чем всем санитарным инспекторам Ирландии за двадцать лет;
и, можно не сомневаться, богоматерь осталась бы довольна.
Вот возможно, теперь они так и поступают: Ирландия, бесспорно,
преобразилась со времен моей юности, насколько могут преобра-
зить страну чистые лица и фартуки. Но в Англии, где слишком
многие так вульгарны, что не верят в поэзию религии, так ре-
спектабельны, что им невыносимо и думать, что коношня в Ви-
фании — обыкновенная деревенская коношня, а не первоклассная
конюшня для скаковых лошадей, и так невежественны, что по-
тигают, будто беса болезни не изгонишь ничем кроме разве
устрашающего обряда с пытками и вонью,— в Англии сани-
тарным инспекторам долго еще придется проповедовать глуп-

цам, сообразуясь с их глупостью: обещая чудеса и угрожая страшными карами каждому за небрежение местными законами и прочее. Поэтому так важно, чтобы все санитарные инспекторы обоего пола при других своих специфических качествах обладали еще чувством юмора, иначе они под конец и сами поверьят всей той чепухе, которую им приходится болтать.

Но в то же время санитарный инспектор в качестве консультанта при начальстве обязан и его избавлять от суеверий. Раз итальянские крестьяне так невежественны, что церкви удается держать их в руках лишь с помощью чудес, так, значит, быть чудесам. Давно высохшая кровь св. Януария во что бы то ни стало должна делаться жидкой независимо от того, в настроении святой или нет. Завлечь обманом язычника и обратить его в покорного христианина ничуть не предосудительнее, чем в комнату, где лежит больной оспой, заманить работать маляра, поверившего, будто болезнь изгнана с помощью горящей серы. Но горе церкви, когда, обманывая крестьянина, она обманывается сама, ибо тогда церковь погибла и крестьянин тоже, пока он не взбунтуется против нее. Если только церковь не будет творить мнимые чудеса чересчур грубо и не будет сама (так как надувательство ей претит) наводить крестьянина на мысль об истинных причинах требуемого от него хорошего поведения, тогда церковь сделается орудием его нравственной коррупции и, эксплуатируя его невежество, не заметит, как вскоре встанет на путь гонения научной истины, в чем можно обвинить все виды священнослужителей, и с наибольшим успехом служителей науки.

И тут мы подходим к теме опасности, угрожающей многим из нас: опасности, что нам навязнут ортодоксию гигиены. Но мы не должны закрывать глаза на то обстоятельство, что в таких густонаселенных и обездоленных цивилизациях, как наша, любая ортодоксия лучше бездействия. Если когда-нибудь наше население будет состоять из одних состоятельных, утонченных, просвещенных и свободных личностей, которые в состоянии постоять за себя, они безусловно быстро разделаются с изрядной долей официальных установлений, сейчас для нас в высшей степени насущных. Но в нынешних обстоятельствах, повторяю, почти любой род заинтересованности, который может вынести демократия, лучше бездействия. Заинтересованность и деятельность приводят, конечно, не только к успеху, но и к ошибкам, однако жизнь, потраченная на ошибки, не только достойнее, но и полезнее, чем жизнь, потраченная на ничегонеделанье. Главный урок, который можно извлечь из всего нашего теоретизирования и экспериментирования, заключается в том, что мы должны учиться жить.

частся в том, что имеется один лишь подлинно научный и прогрессивный метод — метод проб и ошибок. И если вы пришли к этому выводу, то чем иным будет для вас бездействие, как не ортодоксией? Причем самой деспотической и губительной из всех, так как она запрещает нам даже учиться.

НОВЕЙШИЕ ТЕОРИИ

Поскольку медицинские теории дело моды и самые плодоносные из них в ходе врачебной практики и биологических исследований видоизменяются очень быстро (результат международной деятельности), то пьеса, служащая предлогом для написания сего предисловия, уже слегка устарела, хотя, уверен, может быть принята как правдивое свидетельство о 1906 году, в котором была начата. Не следовало бы, разумеется, упомянуть никого из медиков, чтобы не погубить человека, соединив его имя с абсолютной свободой критики, которой, как неспециалист, пользуюсь я, но специалистам все равно будет ясно, что пьеса не была бы написана, не проделай сэр Элмрот Райт работу по теории и практике иммунитета против заразных болезней, иммунитета, достигаемого путем прививки собственных болезнестворных бактерий; процедура эта неправильно именуется вакцинотерапией («vaccina» значит «коровья», хотя ничего от коровы в ней давно нет), оттого, очевидно, что надеялись на ее лечебные свойства, но она их надежды не оправдала. Сэр Элмрот Райт, следуя одной из наиболее многообещающих мечниковских биологических фантазий, обнаружил, что белые тельца, или фагоциты, атакующие и пожирающие наши болезнестворные бактерии, делают это только тогда, когда мы для аппетита приправим микробов соусом, названным сэром Элмротом «опсонин»; он установил также, что выработка этой приправы в нашем организме беспрестанно то увеличивается, то спадает в определенном ритме, переходя от незначительной до самой высокой. До тех пор никто даже и не строил догадок о том, почему вокруг разные сыворотки, производившие время от времени исцеления, тут же совершали такие разрушительные действия в организме какого-нибудь несчастного больного, что от них поспешно отказывались. Количество в ту пору крупного вранья во имя спасения репутации прививок было колоссальным. И если бы не рвение военных властей во всей Европе, которым ничего не стоило приказать той или иной боевой в армии исчезнуть, просто-напросто переименовав заболевание, или если бы не наш лондонский совет по психиатрии,

который старательно скрывал все медицинские отчеты, где всплывали подчас весьма ужасающие результаты эпидемии повторной вакцинации, — неизвестно, чем обернулось бы народное негодование против всего направления иммунизации в медицине.

Положение спас сэр Элмрот Райт, разъяснив, что если ввести больному болезнестворные микробы в тот момент, когда способность организма изготавливать их на съедение фагоцитам находится на низшей точке, то можно лишь ухудшить состояние больного и даже убить его. Но точно такая же прививка в один из периодов наивысшего подъема его способности производить микробы еще больше стимулирует эту способность и даст противоположный эффект. Далее он изобрел методику, позволяющую определить, в какой фазе находится больной в каждый данный момент. Потрясающие возможности, которые открывает его изобретение, вы и найдете в моей пьесе. Но одно дело изобрести методику, а совсем другое убедить медиков пользоваться ею. Наши практикующие врачи, как я понимаю, отказались пользоваться ею потому, что они либо не могут позволить себе приобрести аппаратуру, либо не умеют освоить ее, если и приобрели. Но знаменитая лаборатория сэра Элмрота в больнице св. Марии — это одно, а, как я показал, нечто простое, дешевое, доступное во всякое время для всех желающих — вот единственное, что годится в экономическом отношении для широкой врачебной практики. Опсонин неизбежно пришлось бы объявить в газетах для профессионалов блахью, а сэра Элмрота — опасным человеком, не приди он к выводу в результате своих изысканий, что общепринятые прививки имеют чересчур сильное действие и что малая, можно сказать, бесконечно малая доза не усиливает отрицательной фазы выработки микробов и может даже вызвать положительную. И таким образом получается, что отказ наших практиков освоить новую методику теперь не так уже опасен, как во время написания пьесы «Врач перед дилеммой», более того, способ сэра Ральфа Блумфилда Бонингтона, делающего прививки с такой же легкостью, с какой больного поят морским луком, может иногда дать недурной результат. И все-таки, несмотря на это, я узнаю, что сэр Элмрот Райт 23 мая 1910 года сообщает Королевскому медицинскому обществу о том, что «клинициста еще не удалось убедить пересмотреть свою позицию», иными словами, практик (по-домашнему, просто «доктор») лечит себе, как лечил прежде, не будучи в состоянии изучить или применить новую методику, даже если и слыхал про нее. Пациенту, который про нее не знает, доктор ничего и не скажет. Перед пациентом, который про нее знает, он высмеет ее и постараест-

сч принизить сэра Элмрота. Что же ему еще остается делать? Разве только сознаться в своем невежестве и обречь себя на нищету?

Но теперь обратите внимание, как «круговорот времен иссет с собой отмщение». Недавнее открытие лечебных свойств крохотной шерстинки укусившей вас собаки заставляет вспомнить не только об арнитовском законе реакции протоплазмы на возбуждение, согласно которому слабый и сильный стимул провоцируют противоположные реакции, но и о гомеопатии Ганеманна, основанной на утверждении Ганеманна, будто бы лекарства, вызывающие при обычных ощутимых дозах некие симптомы, дают симптомы прямо противоположные, если принять их бесконечно малыми дозами; то есть лекарство, от которого у вас болит голова, может от головной боли и излечить, если принять его в небольшом количестве. Я уже объяснил, что в ожесточенном сопротивлении, какое гомеопатия встречает со стороны медиков, нет ничего научного; никто, кажется, не отрицает, что некоторые лекарства действуют именно предполагаемым образом. Сопротивление же оказывается только потому, что врачи и аптекари жили продажей своих снадобий в пузырьках и коробочках и предписывали принимать их ложками или таблетками величиной с горошину, тогда как за капли и крупинки размером с булавочную головку тебе такой цены давать не будут. В наши дни, однако, наиболее культурная часть населения начинает с таким подозрением относиться к лекарствам, а люди, погрязшие в предрассудках, так усиленно запасаются патентованными лекарствами (наставление, как их принимать, обернутое вокруг пузырька, прилагается бесплатно), что гомеопатия стала способом реабилитировать ремесло аптекарей и повысить им цену. И тут-то теория опсонина подвертывается как нельзя более кстати, чтобы помешать гомеопату руку.

Добавьте к ныне торжествующим гомеопату и опсонисту еще одного выдающегося новатора — шведского массажиста, который не разводит вокруг вас теорий, а ощупывает вас всеми сильными пальцами, выискивая больные места, и, растирая, разминая и поколачивая, ликвидирует их и заодно поощряет делать гимнастику, — и этим исчерпывается все, что в сегодняшней медицинской практике не является чистой магией или группой коммерческой эксплуатацией людского легковерия и страха смерти. Прикиньте сюда еще многочисленные дискуссии вегетарианцев и сторонников воздержания, разгорающиеся вокруг призывов к научно обоснованной еде и питью и пока мало что дающие, кроме того, что пищеварение переименовали в ме-

таболизм, а люди разделились на поклонников светила, упрекающего нас в том, что мы мало едим рыбы, и поклонников его не менее знаменитого коллеги, который предупреждает нас, что рыбная диета окончится проказой,— и вы получите все то, что хоть сколько-нибудь солидно противостоит росту влияния «христианской науки» с ее соборами и конгрегациями, с ее фанатиками, чудесами и исцелениями. Спору нет, быть может, это и глупо, но зато разумно и здраво, поэтично и обнадеживающе по сравнению с псевдонаукой врача-коммерсанта, который идиотически требует судебного преследования и даже казни членов «христианской науки» в случаях, когда у тех умирают пациенты, забывая при этом о длинном списке смертей собственных больных.

К тому времени, как мое предисловие будет напечатано, мозаика в калейдоскопе, возможно, уляжется по-новому и опсоНН отправится по стопам флогистона волею его неугомонного первооткрывателя. Я не скажу, что Ганеманн, может, тоже отправился по стопам Диоскориса, ибо Диоскорис всегда с нами. Но мы по-прежнему будем приобретать знания в погоне за каким-нибудь блуждающим огоньком. То, что зовется наукой, всегда искало эликсир жизни или философский камень, да ищет и по сию пору, как и во времена Парацельса. Мы просто называем их сейчас иначе: иммунизация, или радиотерапия, или еще как-нибудь, но мечты, вовлекающие нас в авантюры, из которых мы выходим обогащенные знанием, в основе своей всегда одни и те же. Наука становится опасной тогда лишь, когда начинает воображать, будто она достигла цели. Ведь в чем беда с папами и священниками? Вместо того чтобы быть апостолами и святыми, они просто эмпирики, которые заявляют «я знаю» вместо того, чтобы сказать «я познаю», и в молитвах просят о доверчивости и пассивности, как люди умные просят о скептицизме и энергии. Такие мерзости, как инквизиция и указы о принудительной вакцинации, возможны только в годы душевного голодаия, когда великие жизненные догмы — честь, свобода, мужество, взаимосвязь всего сущего, вера в то, что непознанное важнее познанного, которое есть Еще Непознанное, решимость отыскать достойный путь к нему,— когда все эти догмы забыты в пароксизме страха и сознания своей беспомощности. Тогда бездействует все, кроме похоти и страха смерти, и, играя на них, любой торговец может накрасть себе добра, любой мерзавец удовлетворить свою жестокость и любой тиран сделать нас рабами.

Чтобы такое заключение не показалось слишком риторичным нашим профессионалам от науки, по большей части при-

ученым не верить ничему, что не облечено в жаргон тех писателей, которые, не понимая толком, что пытаются сказать, не могут подобрать знакомых слов и потому вынуждены изобретать новый бессмысленный язык для каждой очередной книжки, — я позволю себе суммировать мои выводы со всей сжатостью, какая совместима с точностью мысли и живостью убеждений.

1. Никто так не опасен, как нищий врач, — даже нищий работодатель, даже нищий домовладелец.

2. Из всех узаконенных антиобщественных интересов наилучший вид — узаконенная заинтересованность в болезни.

3. Помните, что болезнь — это все-таки род преступления, поэтому относитесь к врачу как к соучастнику, если он не уведомляет о каждом случае заболевания отдел здравоохранения.

4. Рассматривайте каждую смерть как возможное и, при нашей системе, вполне вероятное убийство, делайте ее предметом разумного дознания и, если потребуется, предайте врача казни, но именно как врача, то есть вычеркнув его из официального списка.

5. Подсчитайте, какое количество врачей требуется, чтобы содержать общество в здоровом состоянии: не регистрируйте после этого ни больше, ни меньше этого количества, и пусть врач в результате регистрации станет государственным служащим с благопристойным окладом, выплачиваемым из государственных фондов.

6. Национализируйте Гарли-стрит.

7. Относитесь к частному хирургу в точности так же, как вы отнеслись бы к частному палачу.

8. Относитесь к лицам, утверждающим, будто они могут вылечивать от болезней, как к гадалкам.

9. Аккуратно информируйте общество с помощью статистики и особых бюллетеней обо всех индивидуальных случаях, о заболеваниях врачей и членов их семей.

10. Добейтесь, чтобы врач, прибывающий к дверям медную табличку, в обязательном порядке к буквам, обозначающим его звание, добавил слова: «Помни, я тоже смертен».

11. Занимаясь законодательством и социальным устройством, исходите из принципа, что инвалиды, то есть лица, не способные прокормить себя собственными силами, не могут без конца рассчитывать на чужую помощь. Как известно, наступает такой момент, когда самый энергичный полицейский или врач, делающие искусственное дыхание утопленнику, бросают это занятие, хотя нельзя быть уверенным ни на одно мгновение.

ние, пока не наступила смерть, что не прекрати они упражнения еще пять минут, и человек пришел бы в сознание. Теория о том, что каждый живой индивидуум бесконечно ценен, несостоятельна с точки зрения законодательства. Бессспорно, чем совершеннее жизнь, которую обеспечивает индивидууму разумный социальный строй, тем большие пользы он принесет обществу и тем, соответственно, большие мы приложим стараний, чтобы спасти его от временной опасности или увечья. Но человек, который обходится обществу дороже, чем он того стоит, обречен так же неизбежно с точки зрения здоровой гигиены, как и с точки зрения здоровой экономики.

12. Не пытайтесь жить вечно. Все равно ничего не выйдет.

13. Пользуйтесь здоровьем вовсю, даже с опасностью израсходовать его целиком. Оно для этого и создано. Тратьте всё, пока не умерли, себя не переживешь.

14. Приложите все старания, чтобы удачно родиться и удачно вырасти. Для этого у вашей матери должен быть хороший доктор. Позаботьтесь о том, чтобы попасть в школу, где имеется так называемая клиника для школьников, где позаботятся о вашем питании, зубах, зрении и прочих важных для вас деталях. Особенно постарайтесь, чтобы все это делалось за счет государства, иначе делать ничего и не будет, так как, сорок против одного, сами вы не сможете за это заплатить, если даже будете знать, как за это взяться. Но если вы не займетесь своим здоровьем, вы станете тем, чем является сейчас почти каждый: нездоровым гражданином нездорового государства, которому не хватает ума даже стыдиться своего нездоровья или страдать по этому поводу.

1911 г.

3p.

